

je stejná. Ve skutečnosti se případy toho druhu, kdy se v stsl. překladu objevují různé prostředky za jeden řecký — ostatně zaznamenané bohatě už Grünenthalem —, objevují zpravidla v textu na místech nepřilíš od sebe vzdálených. Bylo by tedy patrné možno chápat výrazovou variabilitu stsl. textů období cyrilometodějského jako projev jistého stylistického záměru překladatelů, jako charakteristický znak poetiky první slovanské školy literární, záležející v tendenci k „stylistické disimilaci“ nebo k výrazové variabilitě kontextově podmíněné.

Škoda, že při celkové preciznosti formulační a přesvědčivosti základní koncepce i výsledných tezí nepodařilo se autorovi ve všech případech filologicky „vycištít“ i každou dílčí jednotlivost. Zůstaly tu mj. některé záměny *ě—e*, např. *celovanije* (85) místo náležitého *celovanije*, opakovaně *metati* (116, 122, 124 aj.) místo náležitého *metati*, dále *žrebiti* místo *žrēbiti*, *mreža* (124) místo *mreža* atp. Podle doložených tvarů přezentních, resp. aoristových jsou tu někdy dotvořeny chybné podoby infinitivní, např. opakovaně *vъzniti* místo náležitého *vъnisti* (*vъnzъzъ, vъnzъzeši*), resp. *vъnzъznъti* (*vъnzъznъzъ, vъnzъzneši*), dále *izvъręgati* (*se*) místo náležitého *izvъręsti* (*se*) (*izvъręzъ, izvъręzeši*), dále opakovaně *vъprošati* místo *vъprašati*, ba dokonce se tu několikrát uvádí neexistující infinitiv *izdenuti* místo náležitého *izgnъnati* (*izdenъ, izdeneši*). Žádoucí by též bylo uvádět slova citovaná mimo kontext konkrétních dokladů v normalizované („slovníkové“) grafické podobě, tedy nikoli *klanęti* (*se*), jak to dělá autor, nýbrž *klanjati* (*se*) (v cyrilské grafické podobě) nebo *klanęti* (*se*) (podle hlaholského grafického úzu) apod.

Je ovšem zřejmé, že v podobných případech jde neztřídka o nevykorigované tiskové chyby; vcelku pak to jsou nedopatření jen ojedinělá, která velmi dobrou celkovou úroveň díla podstatněji poškodit nemohou. Autor v něm prokázal badatelskou originalitu, teoretickou důslednost i lingvistickou duchaplnost v míře svrchované. Dokonale ovládl literaturu předmětu, nevynechal nic, co bylo o jeho tématu v odborné produkci již publikováno. Jeho závěry mají v mnoha případech povahu řešení definitivního, v mnoha případech otevírají problematiku dosud nedotčenou a jsou tak i po této stránce podnětná a inspirativní. Práce J. M. Vereščagina o formování nejstaršího slovanského jazyka spisovného patří k nejpozoruhodnějším paleoslovenistickým monografiím z poslední doby.

Radoslav Večerka

Ииржи Иирачек: Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке. Университет им. Я. Э. Пуркине, Брно, 1971, 281 стр.

Монография И. Иирачка посвящается словообразовательному анализу имен существительных, произведенных с помощью интернациональных суффиксов, в русском языке и сопоставлению их с аналогичными формациями в чешском языке. При этом автор опирается на фундаментальное исследование современной лингвистики по словообразованию, изложенное и примененное в работе „Tvoření slov v češtině“, том I и II. Источниками, из которых автор черпал свой материал, являются как лексикографические работы обоих языков (материал чешского языка представлен, кроме прочего, современным описанием словообразования во II томе вышеупомянутой книги), так и (и это необходимо подчеркнуть) обширная выборка лексикографически до сих пор не зарегистрированных неологизмов современного узуса (в материальной части книги автор приводит их исчерпывающий список, иллюстрируя его цитатами).

В „Общей части“ своей работы автор определяет само понятие „интернационализм“ (в отличие от понятия „заимствованное слово“) и „интернациональный суффикс“ (в отличие от „иноязычный“ и „заимствованный“ суффиксы). В связи с этим позволим себе сделать небольшое фактическое замечание: утверждение, что русский суффикс *-ник* ставится действительно интернациональным, по нашему мнению не совсем точно. Дело в том, что приводимые автором примеры английского языка и американского сленга (типа „*sputnik*“ и „*nudnik*“) неоднородны: у пейоративных слов в качестве посредника образования выступал идиш (и они образованы по типу *nudnik*), а остальные слова без эмоциональной окраски образованы непосредственно под влиянием русского слова *спутник*. Далее в монографии рассматривается этимология исследуемых интернациональных суффиксов *-изм*, *-ист*, *-изатор*, *-изация*, *-фикатор*, *-фикация*, *-ёр*, *-аж*, *-ениция*. Не совсем точно в своих теоретических рассуждениях автор пользуется термином интерфикс для сегментов, фактически формирующих варианты суффиксов (например: *-онал-* в такой формации, как *конституционалист*). Лишним также является

и введение понятия „подвариант“ суффикса. Определенные трудности с сегментацией интернационализмов можно по нашему мнению в большинстве случаев преодолеть, последовательно ограничивая отношение семантической мотивации от формальной фундации.

Как бы в введении к „Специальной части“ монографии автор приводит перечень способов, при помощи которых в русский язык попадают новые интернациональные наименования: наряду с заимствованием уже готового наименования русский язык обогащается путем калькирования, путем так называемого семантического образования (т. е. путем использования существующего уже в языке слова для обозначения нового понятия), путем словообразования от иностранной основы, путем деривации от русской основы, ресуффиксацией и комбинированным сложносуффиксальным способом. Центральной частью вышеназванной главы является подробный анализ отдельных ономастических категорий образованных интернационализмов: автор выделяет некоторые словообразовательные типы, исследует их пропорции и сравнивает их в количественном отношении с аналогичными типами в чешском языке, базируясь при этом в большинстве случаев на материале II тома книги „Tvoření slov v češtině“. Этот раздел рецензируемой монографии предлагает вниманию важные данные исследования сопоставительного характера в русском и чешском языках и намечает функциональные расхождения в системах обоих языков. Однако наиболее ярко выступают эти несоответствия при чтении менее пространных разделов „Словообразовательный анализ существительных с интернациональными суффиксами“ и „Существительные с интернациональными суффиксами — словообразовательная база в современном русском языке“. Они полностью подтверждают мнение Г. Марчада относительно того, что в современных европейских языках сосуществуют две относительно самостоятельные словообразовательные структуры: одна подлинная, национальная, а другая — заимствованная, действующая в области интернационализмов. Мы считаем, что именно открытие способа, как действует эта вторая система в области изучаемых суффиксов, является наиболее ценным исследованием в работе И. Йирачка. В вышеназванных разделах монографии автор, например, опровергает констатирование академической грамматики 1960 года издания относительно непродуктивности прилагательных типа *индивидуалистический* по сравнению с *индивидуалистский*. И. Йирачек убедительно доказывает, что прилагательные продуктивного типа *индивидуалистский* обыкновенно образуются там, где налицо имя существительное с суффиксом *-ист* (*анаргист — анаргистский*), в то время, как прилагательные с суффиксом *-ический* являются продуктивным типом, представленным прежде всего существительным с суффиксом *-изм* (*плюрализм — плюралистический*). Эти полезные данные далеко не единственные в книге. Поэтому нам думается, что было бы небесполезно постепенно расширить поле исследований и на область прилагательных и глаголов. Это дало бы возможность еще пластичнее показать специфичность словообразовательной системы интернационализмов и их функционирования в обоих языках. Если бы автор установил объем или типы всех приведенных словообразовательных гвезд интернационализмов и исследовал частоту их появления, то проблема функционирования всей этой специфической словообразовательной системы стала бы яснее. Это, в свою очередь, помогло бы однозначно решить отношения мотивировки и проблему фундации многих формаций. Нужно сказать, что вопрос мотивированных отношений автор ставит, но в большинстве случаев удовлетворяется констатированием разных возможностей и не делает при этом вывод относительно формальной фундации и вытекающего решения некоторых проблем формы. Было бы несправедливо, однако, не отметить, что в некоторых случаях можно видеть намекающей прогресс в развитии и этой проблематики. Так, например, обстоит дело при определении мотивировок типа *Darwin* → *darwinismus* → *darwinista* в отличие от менее точного предположения TSC

Darwin ↗ *darwinismus*
↘ *darwinista*

Это по нашему мнению помогло бы также избежать некото-

рой непоследовательности, с которой нет-нет да приходилось нам сталкиваться на страницах рецензируемой книги. Мы имеем в виду установление глагольного деривационного форманта *-ова-*, хотя по нашему мнению нужно было бы говорить о *-ствова-*, что подтверждается формацией типа *профессорствовать, губернаторствовать*...

Абсолютно естественно, что, классифицируя формации и опираясь при этом на языковое чутье, разные авторы по-разному классифицировали бы, например, дериваты типа *русизм*. Однако никак нельзя согласиться с тем, чтобы в категорию имен действия были включены производные типа *поведенция*, и, конечно же, как, собственно, отмечает и сам

автор, *бумаженция, штуженция* и т. д. Не сомневаясь можно сказать, что в этих случаях суффикс имеет аналогичную функцию, как и в деривате чешского языка *synátor*, а именно: придать слову экспрессивный оттенок.

Неизменную продуктивность русских суффиксов *-изм* и *-ист* и их эквивалентов в чешском языке *-ismus* и *-ista* автор документирует путем доказательства, насколько больше слов, образованных при помощи этих формантов, в „Словаре русского языка“ по сравнению со словарем Ушакова и аналогичным образом в чешском языке, сравнивая „Slovník srovnávacího jazyka českého“ и „Příruční slovník“. К сожалению, сравнение проведено не оптимально, так как при этом исследованию подвергались отдельные семантические группы, а не словообразовательные типы, и в списках, приведенных в материальной части книги, неологизмы, образованные обоими суффиксами, указаны вместе, без какой бы то ни было дифференциации.

Необходимо, однако, признать, что серьезный и всесторонний анализ исследуемого автором материала, по всему дополненный еще и данными акцентуации, уточнениями, например, у суффикса *-аж* данные Академической грамматики, далее последовательно проведенное сопоставление и тщательно зарегистрированные и представленные квантитативными таблицами соотношения изучаемого материала и подробная лексикографическая регистрация современных неологизмов являются огромным вкладом в описание современного состояния производных интернационализмов. Подробные таблицы, иллюстрирующие все формации сопоставительного характера имеют, кроме того, и большое практическое значение в освоении и обучении обоим языкам.

Душан Шлосар

V. Girtelschmidová—J. Hladký: *Mluvnice ruského jazyka pro příslušníky ČSLA*, Brno, VAAZ (rotaprint), 1972. 261 str.

В řadě našich rusistických publikací z poslední doby představuje recenzovaná kniha položku svým způsobem zvláštní, a to právě pro své specifické zaměření. Snahou autorů bylo poskytnout systematické poučení o problematice spjaté s užíváním ruštiny ve vojenství všem příslušníkům čs. lidové armády, kteří pro svou práci potřebují hlubší znalosti ruštiny, především vyšším vojenským a vojensko-technickým kádřím. Proto lze v knize nalézt nejen výklady ryze gramatické, ale i kapitoly o hláskosloví, o slovní zásobě, odborné terminologii, odborném stylu, o překládání a tlumočení a o speciálním využití jazykovědy ve vojenství, dále tabulky odborného a běžného přepisu azbuky do latinky aj. Kniha navazuje na *Mluvnici ruského jazyka* zpracovanou kolektivem katedry jazyků VAAZ v r. 1958 a odráží řadu nových poznatků teoretických i praktických.

Recenzovanou publikací je třeba hodnotit z několika hledisek. Máme-li především na paměti základní význam, jaký má znalost ruštiny pro příslušníky naší armády jako článku společenství Varšavské smlouvy, ptáme se, jaký je obecný přínos této knihy k dosažení vytčeného cíle. Zde je třeba říci, že autoři jak celkovým přístupem k základní problematice, tak i výběrem dokladového materiálu podle našeho mínění správně vystihli současné potřeby. Opírajíce se v hojně míře o originální ruské vojenské texty, vybírají příklady aktuální a instruktivní z hlediska ideové výchovného i odborného, při čemž je patrná uvědomělá snaha, aby byla výváženě zastoupena lexikální složka obecně komunikativní, politicko-výchovná i odborná.

Svou koncepcí se recenzovaná mluvnice blíží převážně k našim dosavadním mluvnicím ruštiny (zejména k *Školní mluvnici ruštiny* a k *Příruční mluvnici ruštiny*, vydaným v SPN), přibliží ovšem i k nejnověji vydané akademické mluvnici sovětské (Грамматика современного русского литературного языка, Москва, 1972). V souladu se záměrem a na základě svých bohatých pedagogických zkušeností neváhají však autoři leckde své výklady přizpůsobit speciálním potřebám, zpřehlednit, popřípadě převést je do názorných tabulek, jichž je zde řada (např. str. 44, 94, 139 nn., 168, 235; škoda že nebyl přehlednější zpracován poučný seznam mezijazykových homonym na str. 214). Naopak zase včleňují do výkladu pasáže nutné z hlediska vojenské odbornosti; např. po kapitole o číslovkách (116—131) je připojena poměrně rozsáhlá pasáž (131—137) o matematické terminologii, tematicky na partii o číslovkách navazující. Snaha o zhuštění výkladu a o maximální názornost proniká vůbec celou knihou, aniž dochází — až snad na malé výjimky — ke zkreslujícímu zjednodušení.

Pokud jde o obsah a rozložení jednotlivých kapitol, bylo by žádoucí trochu výraznější hierarchické rozvržení jednotlivých částí a s tím související grafické zdůraznění (týká se i přehledu obsahu na str. 260). Tak např. přechod od partii o fonetice a pravopisu k morfologii